
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЙ «ОБМАН» И «ЛОЖЬ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ПРОБЛЕМА ОТРИЦАНИЯ

В. С. КРАСИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется проблема отрицания обмана и лжи в контексте криминалистики как науки и оперативно-розыскной деятельности. Изучены актуальные точки зрения на проблему неприемлемости обмана и лжи, выявлены возможные критерии оценки допустимости приемов и способов осуществления следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий, определены направления исследования проблем криминалистической (следственной, оперативно-розыскной) тактики, применяющейся уполномоченными государственными органами в рамках расследования, выявления и предупреждения преступной деятельности.

Ключевые слова: криминалистический контекст обмана и лжи; криминалистическая, следственная, оперативно-розыскная тактика; интеллектуальный аспект обмана и лжи.

Образец цитирования:

Красиков В.С. Криминалистический контекст понятий «обман» и «ложь» в деятельности правоохранительных органов: проблема отрицания. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:73–79.

For citation:

Krasikau V.S. Criminalistic context of concepts of deception and lie in the activities of law enforcement bodies: the problem of denial. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:73–79. Russian.

Автор:

Владимир Сергеевич Красиков – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры криминалистики юридического факультета.

Author:

Uladzimir S. Krasikau, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminalistics, faculty of law. krasikau@mail.ru

CRIMINALISTIC CONTEXT OF CONCEPTS OF DECEPTION AND LIE IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT BODIES: THE PROBLEM OF DENIAL

U. S. KRASIKAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of denial of deception and lies in the context of forensic science and operational-search activity is investigated. The current points of view on the problem of inadmissibility of deception and lies have been studied, possible criteria for assessing the admissibility of methods of carrying out investigative actions and carrying out operational-search measures have been determined, directions for researching the problems of forensic (investigative, operational search) tactics used by authorised state bodies in the framework of an investigation, detection and prevention of criminal activity have been determined.

Keywords: forensic context of deception and lies; forensic, investigative, operational-search tactics; the intellectual aspect of deception and lies.

Введение

Обман и ложь – явления функциональные и диалектически противоречивые, обусловленные представлениями человека о пределах их допустимости или недопустимости по отношению к другим людям в различных сферах общественных отношений: в идеологии, политике, экономике, сфере права и противодействия преступности. Как отмечает Д. И. Дубровский, «поскольку обман выступает как феномен социальной деятельности, рассмотрение его функций может производиться в плане анализа его роли в разных видах деятельности. По-видимому, есть основания говорить о специфических функциональных проявлениях обмана в производственной, финансово-экономической деятельности, в политике, в торговле, в научной и педагогической деятельности, в искусстве, спорте и т. д. Нет такого вида социальной деятельности, где бы не встречался обман и где бы он не играл существенную функциональную роль» [1, с. 44].

Относительно лжи А. Р. Ратиновым отмечается, что ею «...насыщены идеология и политика, государственное управление и экономическая деятельность, массовые коммуникации и процессы межличностного общения, трудовые, бытовые, се-

мейные и все иные отношения между людьми. Короче говоря, нет такой области жизни, где не лгут»¹.

Таким образом, мы имеем дело с социальными феноменами, которые проявляют свои свойства в процессе коммуникации (взаимодействия) людей и их общностей в зависимости от интересов (ценностей) и целей, которыми они руководствуются. Именно это, по мнению Ю. Н. Харари, позволило создавать социальные конструкты (государство, право, идеология, мораль, обман и ложь, мифология, наука, средства массовой информации и др.), которые позволяют управлять огромными интегрированными массами не знакомых друг с другом людей в условиях совместной деятельности на основе оперирования абстрактными понятиями [2, с. 30–45].

В связи с этим объектом исследования являются отношения по поводу обмана и лжи в контексте криминалистики как науки. Предметом исследования выступают выявленные закономерности приемлемости и неприемлемости изучаемых социальных феноменов (конструктов) в сфере противодействия преступной деятельности при проведении следственных действий и осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Основная часть

Прежде чем категорично отрицать или давать негативную оценку любому социальному явлению (феномену), влияющему на общественные отношения в сфере интересов криминалистики, необходимо решить следующие проблемы:

- определить сущность обмана и лжи в рамках этой науки с точки зрения теорий познания (гносеологии), ценностей (аксиологии) и эффективности практической деятельности (праксиологии);

- изучить функции обмана и лжи в социуме, причину их возникновения, условия, алгоритмы, мотивы и цели;

- установить критерии приемлемости (недопустимости) применения исследуемых социальных феноменов в практической деятельности правоохранительных органов;

- исследовать особенности использования, допущения или недопущения обмана и лжи в преступной

¹Ратинов А. Р. Избранные труды / сост. Кроз М. В. [и др.]. М. : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. С. 188.

деятельности и деятельности по выявлению, пресечению и расследованию преступлений.

Эти направления исследования сложной научной проблемы требуют отдельной проработки, что, соответственно, невозможно сделать в рамках одной научной статьи. Тем не менее определенные суждения в научных кругах криминалистов относительно обмана и лжи в деятельности по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений имеются. Так, возможность обмана и лжи со стороны правоохранительных органов учеными анализировалась в контексте полной недопустимости со стороны лиц, проводящих следственные действия и ОРМ [3; 4], а также недопустимости, но с закреплением понятий «введение в заблуждение на основе побуждения к определенным действиям» [5, с. 8], «следственные хитрости» [6, с. 49–57], «соответствие тактических приемов этическим нормам» [7, с. 7] и др.

Эти точки зрения обуславливались следующими позициями в идеологии и правовых науках:

- право является средством отражения морали общества, ее реализации и защиты;
- право регулирует полное познание, а также ликвидацию всех возникающих дефектов и противоречий в процессе познания в сфере правоохранительной деятельности;
- обман и ложь абсолютно недопустимы в решении задач уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (ОРД);
- задачи уголовного процесса не могут решаться вне рамок и принципов справедливости, гуманности и профессиональной этики;
- законность следует определять через соответствие или непротиворечие приема, средства и их комбинаций требованиям закона.

Так, Р. С. Белкин, рассматривая вопросы судебной психологии, утверждал следующее: «Правомерность воздействия зависит от правомерности его средств... Это законность, которую следует понимать как соответствие или непротиворечие приема, средства требованиям закона; избирательность воздействия, т. е. направленность лишь на определенных лиц, и нейтральность по отношению к остальным; нравственность, соответствие моральным принципам общества» [8, с. 511]. Однако наиболее категорично и однозначно охарактеризовал отношение криминалистики и уголовного процесса к изучаемым феноменам С. М. Строгович: «Нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное “формирование ошибочного представления” у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно это же сделать более сложным способом, таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому

они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер» [3, с. 20]. Этой же парадигме следует А. В. Дулов, который в рамках разработанной им концепции юридической (судебной) этики утверждал следующее: «Основной принципиальной особенностью применения всех судебно-психологических методов воздействия является полная недопустимость передачи следователем ложной информации» [4, с. 321].

Безусловно, такая позиция четко определяет точку зрения о недопустимости (отрицании) обмана и лжи, но не лишена ряда внутренних противоречий. Во-первых, для соблюдения законности требуется формализовать (в правовом акте или правилах профессиональной этики) сами тактические приемы, критерии их соответствия и непротиворечия каждого применяемого приема (организационного или тактического) в ходе следственного действия или ОРМ. Во-вторых, приведенная цитата М. С. Строговича содержит логическое противоречие, так как оно гласит, что солгать можно, сказав правду, а это логически не соответствует истинному утверждению. В-третьих, предъявление особых требований относительно морали и нравственности должностных лиц по профессиональному признаку предполагает контроль со стороны тех, кто будет обладать еще более высокими представлениями о морали и нравственности. В-четвертых, разрабатываемые в рамках судебной этики и психологии проблемы соотносятся только с профессиональной деятельностью, но не касаются сферы отношений должностных лиц вне этих отношений, где господствуют представления об обмане и лжи, обусловленные социально-экономическими, идеологическими, политическими, культурными и иными факторами. В-пятых, выделение в особую категорию нравственности уголовно-процессуальных или оперативно-розыскных отношений само по себе противоречиво, так как они есть процесс и результат жизнедеятельности всего общества, и это реальность, в которой оно существует.

В связи с этим идеализированное представление об обмане и лжи в конкретный период развития общества, об их недопустимости в профессиональной деятельности также создает условия для возникновения отрицательных эффектов в деятельности должностных лиц правоохранительных органов. Главным образом это отражается в нацеленности на получение преимущественно признательных показаний (прямых доказательств) в совершении преступления, что избавляет от скрупулезной работы по собиранию, исследованию, оценке и использованию всего комплекса доказательственной информации в условиях противодействия расследованию.

Также одним из отрицательных эффектов может стать снижение уровня интеллектуального развития сотрудников правоохранительных органов (любой прием, психологическое воздействие, оперирование информацией могут быть превратно оценены с точки зрения допустимости в конкретной обстановке следственного действия или ОРМ). Кроме того, категоричное отрицание объективности и функциональности обмана в обществе может привести к его приумножению в реалиях противодействия преступной деятельности, например к фальсификации доказательств, провокации преступлений, ложным показаниям в уголовном процессе, принуждению к даче показаний, превышению служебных полномочий и др.

В подтверждение этих предварительных выводов рассмотрим некоторые тактические рекомендации для проведения следственных действий на примерах из практики. Вот что излагает А. Ю. Румянцев относительно организации и тактики следственного действия в кабинете следователя в целях введения допрашиваемого в заблуждение и установления места нахождения разыскиваемого ружья (орудия преступления): «...на очередном допросе в кабинет следователя вошел оперативный работник с таким ружьем, завернутым в мешковину, и сказал следователю, что он наконец-то выполнил его поручение»². В дальнейшем эта инсценировка, подкрепленная демонстрацией улики, а также логичное оперирование информацией способствовали признанию вины в совершенном преступлении, отысканию и изъятию оружия.

Но вот что автор пишет о ситуации, когда у адвоката или в суде возникнет вопрос о правомерности воздействия на допрашиваемого: «...ответ может быть ясным и конкретным: компания пригласила следователя на охоту, а нет ружья, и оперативный работник вынул его, предоставив свое ружье. А реальное ружье обнаружено и фигурирует в данном уголовном деле»³.

Думается, что в первой цитируемой части текста разыграна классическая криминалистическая тактическая операция, в которой решались задачи создания у подозреваемого впечатления об установлении места нахождения и изъятии орудия преступления, а также о наличии иных сведений, способствовавших этому (формированию преувеличенного представления об осведомленности следователя относительно обстоятельств события). Если проведенное следственное действие дало положительный результат, можно признать высокий интеллектуальный уровень следователя и его профессио-

нализм, так как невиновный на эти манипуляции не отреагирует. Однако здесь есть определяющий момент относительно организационного компонента следственного действия – допроса.

Так, в соответствии с положениями ч. 4 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) следователь или лицо, производящее дознание, вправе привлечь к участию в следственных действиях работника органа дознания, однако из содержания описываемого примера непонятно, являлся ли оперативный работник участником следственного действия, вносилось ли в протокол допроса описание действий с участием оперативного работника (демонстрация предмета с определенными параметрами, завернутого в ткань определенного цвета), вносились ли в протокол допроса слова, сказанные оперативным работником, подписывал ли он этот документ.

Если все вышеперечисленное не имело места, полученные сведения или признания могут быть квалифицированы как достоверные, относимые, но недопустимые, так как они получены с несоблюдением процедуры следственного действия. Возможно, именно такие ситуации подразумеваются под «иными незаконными действиями» в ч. 1 ст. 394 Уголовного кодекса Республики Беларусь, устанавливающей ответственность за принуждение к даче показаний.

Что же касается возможной ситуации в суде или в общении с адвокатом, то после анализа и обобщения слов оперативного работника можно сделать вывод о его преднамеренной лжи (заведомо ложном показании). Именно это и есть обман (ложь), к которому следует относиться отрицательно и который подлежит выявлению и оценке в суде в ходе объективного, всестороннего и полного судебного следствия. В этом контексте также необходимо отметить, что формально неразработанный в УПК процессуальный статус работника органа дознания, участвующего в проведении следственного действия, с одной стороны, дает возможность для осуществления таких простых тактических операций во взаимодействии со следователем, а с другой – создает условия для оказания психологического воздействия, правомерность и допустимость которого проблематично оценить. Следует также отметить, что этот субъект в уголовном процессе не может быть ни экспертом, ни специалистом (лицом, не заинтересованным в исходе дела, согласно положениям ст. 61, 62 УПК). Остается статус свидетеля, однако что в этом случае может сообщить работник органа дознания по существу, свидетелем

²Румянцев А. Ю. Допустимая дезинформация в процессе раскрытия и расследования преступлений // Проблемы в рос. законодательстве. 2013. № 5. С. 223.

³Там же. С. 224.

(очевидцем) чего он являлся? По данному вопросу необходимо провести дальнейшее исследование и законодательную проработку: определить статус, права и обязанности, круг вопросов, по которым он (работник органа дознания) может быть допрошен, и др.

В адвокатской практике также существуют своеобразные способы использования обмана, к которому прибегают для поддержания репутации честности в сфере профессиональной этики. Так, в размышлении известного российского адвоката М. Ю. Барщевского по поводу необходимости сохранения профессиональной тайны заявляется, что, когда адвокату от его клиента станет известно о намерении отравить десятки тысяч людей, он (адвокат) «...должен применить все свое мастерство для того, чтобы переубедить, может быть, даже солгать и сказать, что будет расстрел – понимая, что его не будет, – напугать, как угодно сделать так, чтобы не допустить этого преступления. Но стучать адвокат не может – вот такая вот его судьбина. Все равно. Потому что иначе мы никогда не договоримся, где грань»⁴. Однако далее от имени М. Ю. Барщевского излагается следующее: «Просто у каждого есть своя функция. Другое дело, что умный адвокат сделает очень просто, – хитрый, умный адвокат в наших условиях. Он расскажет об этом случае по телефону какому-нибудь из известных адвокатов со стопроцентной гарантией того, что телефон прослушивается. Таким образом, он не раскрыл тайну. Никуда не стучал, посоветовался с коллегой – раскрытие тайны коллеги возможно. Ну а люди как бы узнали. Но это в том случае, если у нас телефоны прослушиваются»⁵.

Заключение

Таким образом, мы видим, как в двух приведенных выше примерах отрицание объективности обмана и лжи может привести к совершению преступления и возникновению отношений, сравнимых с предательством, недопустимым в сфере правоохранительной деятельности как с точки зрения права, так и с точки зрения профессиональной этики. Именно эти критерии в рамках криминалистики следует считать определяющими незаконность и неэтичность тактического приема (способа) проведения следственного действия или ОРМ.

Указанные примеры позволяют сделать вывод, что в правоохранительной деятельности существуют отношения, складывающиеся по поводу обмана и лжи. Они создаются, развиваются и прекращаются в правовой и процессуально-правовой сферах, в области профессиональной этики, а также (это ка-

Таким образом, следует подчеркнуть, что адвокатом использовались знания о сущности ОРД, ее методах и особенностях проведения ОРМ, требующих санкционирования прокурором. Также следует обратить внимание на то, как обман, по мнению адвоката, действующего в соответствии с профессиональной этикой, перестает быть таковым, превращается в хитрость и интеллектуальность в зависимости от способа донесения информации до компетентного правоохранительного органа, однако, по сути, не перестает быть обманом. В проведенной адвокатом тактической операции по доставке информации о планируемом преступлении есть и отрицательные моменты. Во-первых, непонятно, каким образом он узнает о прослушивании телефона, так как это ОРМ, проводимое негласно. Во-вторых, адресат информации (другой известный адвокат) оказывается в серьезной правовой ситуации, связанной с недоносительством о преступлении, поскольку он не осведомлен о прослушивании телефона и может воспринять передаваемую ему информацию не критично. В-третьих, непонятно, какие последствия прогнозирует адвокат в случае, если планируемое преступление все же осуществится, ведь его последствия неотвратимы. В-четвертых, решение такой проблемы четко показано в кинофильме «Основной инстинкт 2», где профессиональный психолог на провокационный вопрос клиента отвечает, что, если речь идет о преступлении в прошлом, он обязан сохранить это в тайне, если речь идет о преступлении в будущем, он официально сообщит об этом. Это решение психолога логично укладывается в понимание профессиональной этики.

сается криминалистики и ОРД) в рамках тактики, познаваемой через искусство интеллектуального взаимодействия [9]. Интеллектуальность включает понимание характера отношений в сфере взаимодействия преступности и преступлениям, принципов правоохранительной деятельности, способов выявления, пресечения и расследования преступлений и их предупреждения, а также этичности поведения должностных лиц государственных органов при выполнении ими служебных обязанностей. Интеллектуальный аспект обмана и лжи изучается в рамках тактики следственных действий и проведения ОРМ, где проблема указанного феномена решается определением контекста взаимодействия специального субъекта (следователь, лицо, производящее дознание, сотрудник оперативного подразделения, прокурор и судья) с другим специальным

⁴Цит. по: Короткова П. Е. Нравственные основы адвокатской тайны [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/opponent/48048/> (дата обращения: 11.11.2021).

⁵Там же.

субъектом (лицо, причастное к совершению преступления или имеющее о нем информацию), а также с защитником по уголовному делу (адвокат).

Этот контекст взаимодействия определяется следующим.

1. Представления об обмане и лжи отражены в законодательстве, обусловленном социально-экономическими и политическими, культурными условиями существования общества и государства в конкретный период развития. В объективной реальности, созданной из социальных конструктов, обман и ложь абсолютно подлинны и используются субъектами исходя из своих интересов (целей). Проблема заключается в оценке фактов: кто, когда, что и каким способом сделал (интеллектуальный аспект), в какой обстановке, условиях и ситуации это произошло (контекст), каковы цели и последствия (вредные или полезные как в личном, так и в общественном понимании), какие социальные конструкты (право, процедура и этика) были нарушены или соблюдены. Отрицание функциональных (коммуникативных) свойств обмана и лжи приводит к их приумножению, превращению в преступление и предательство. Именно это положение может являться критерием недопустимости в сфере криминалистики, ОРД, а также судебной и профессиональной этики.

2. В правоохранительной сфере и уголовном процессе мораль и этика реализуются в профессиональной деятельности должностного лица. Законность принятия тех или иных решений определяется в ходе установления допустимости конкретного доказательства в процессе доказывания, что оценивается приговором суда. Рамки тактической активности в состоянии взаимодействия в условиях

интеллектуального соперничества – это область профессионального искусства или мастерства, проявляющихся при осуществлении ОРМ и проведении следственных действий, которые могут ограничиваться только законом, процедурами проведения и целями (задачами), установленными законодательством. Приоритет отдается обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Все, что предусмотрено (закреплено) законодательством, – это государственно-правовые средства, разработанные научно, подтвержденные практикой, которые могут и должны применяться. То, что установлено законодательно, законно и, по сути, не содержит обмана, так как всем понятно: в отношении лиц, готовящих преступление, совершающих и совершивших его, все правовые средства, технологии и интеллектуальные потенциалы применяются в полном объеме.

3. Криминалистический контекст обмана и лжи позволяет рассматривать их не только как антипод правды и истины, но и как допустимый компромисс между ними. Истинность преступной деятельности заключается в том, что преступник, поступая по своей правде, использует ложь и обман как инструмент или способ совершения деяния для того, чтобы обман или ложь стали истинными. Следовательно или оперативный работник в рамках тактики проведения следственных действий или осуществления ОРМ используют обман (ложь) как составляющий (не основной) элемент в комбинации приемов, способов для того, чтобы истинный факт стал доказанным.

Библиографические ссылки

1. Дубровский ДИ. *Обман. Философско-психологический анализ*. Москва: Канон+; 2010. 336 с.
2. Харари ЮН. *Краткая история человечества*. Москва: Синдбад; 2019. 512 с.
3. Строгович МС, Корневский ЮВ, Зайцев ЕА, Киселев ЯС. *Проблемы судебной этики*. Москва: Наука; 1974. 272 с.
4. Дулов АВ. *Судебная психология*. Минск: Вышэйшая школа; 1975. 464 с.
5. Бахин ВП. *Тактика – профессионализм и мастерство при общении*. Киев: Издательство Семенко Сергея; 2006. 116 с.
6. Ларин АМ. *Криминалистика и паракриминалистика*. Москва: БЕК; 1996. 192 с.
7. Богданов БЕ, Васильев АН, Герасимов ВН, Герасимов ВП, Колдин ВЯ, Полев НС и др. *Криминалистика*. Васильев АН, редактор. Москва: Издательство Московского университета; 1980. 496 с.
8. Аверьянова ТВ, Белкин РС, Корухов ЮГ, Россинская ЕР. *Криминалистика*. Белкин РС, редактор. Москва: НОРМА; 1999. 990 с.
9. Красиков ВС. Криминалистический контекст обмана и лжи: интеллектуальный аспект тактики. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;2:103–109.

References

1. Dubrovskii DI. *Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz* [Deception. Philosophical and psychological analysis]. Moscow: Canon+; 2010. 336 p. Russian.
2. Harari YuN. *Kratkaya istoriya chelovechestva* [Brief history of mankind]. Moscow: Sindbad; 2019. 512 p. Russian.
3. Strogovich MS, Korenevskii YuV, Zaitsev EA, Kiselev YaS. *Problemy sudebnoi etiki* [Problems of judicial ethics]. Moscow: Nauka; 1974. 272 p. Russian.
4. Dulov AV. *Sudebnaya psikhologiya* [Forensic psychology]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1975. 464 p. Russian.

5. Bakhin VP. *Taktika – professionalizm i mastrestvo pri obshchenii* [Tactics is a professionalism and skill in communication]. Kyiv: Izdatel'stvo Semenka Sergeya; 2006. 116 p. Russian.
6. Larin AM. *Kriminalistika i parakriminalistika* [Criminalistics and paracriminalistics]. Moscow: BEK; 1996. 192 p. Russian.
7. Bogdanov BE, Vasil'ev AN, Gerasimov VN, Gerasimov VP, Koldin VYa, Polev NS, et al. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Vasil'ev AN, editor. Moscow: Publishing House of Moscow University; 1980. 496 p. Russian.
8. Aver'yanova TV, Belkin RS, Korukhov YuG, Rossinskaya ER. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Belkin RS, editor. Moscow: NORMA; 1999. 990 p. Russian.
9. Krasikau US. Forensic context of deception and lies: the intellectual aspect of tactics. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;2:103–109. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022.
Received by editorial board 11.02.2022.